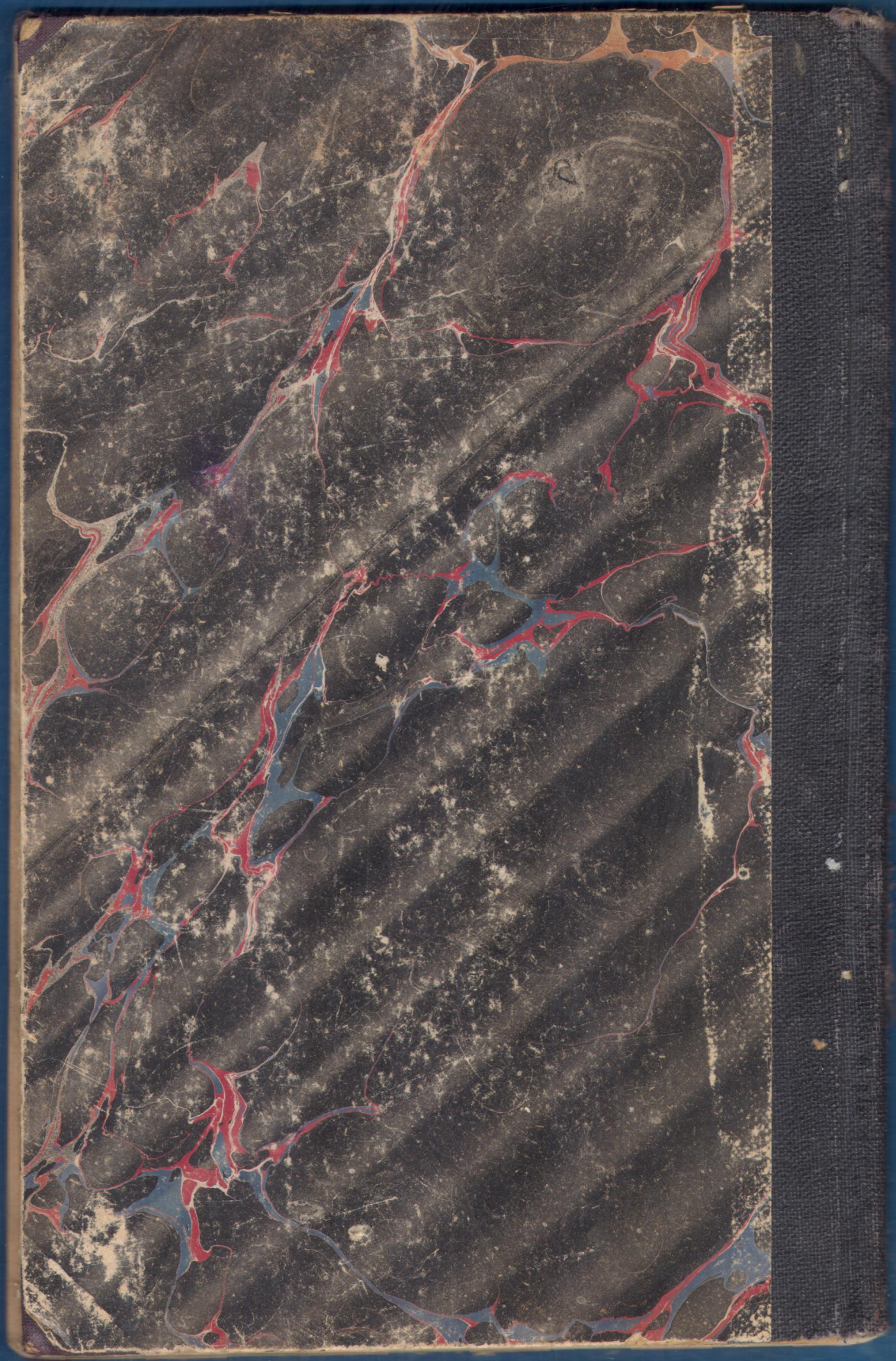
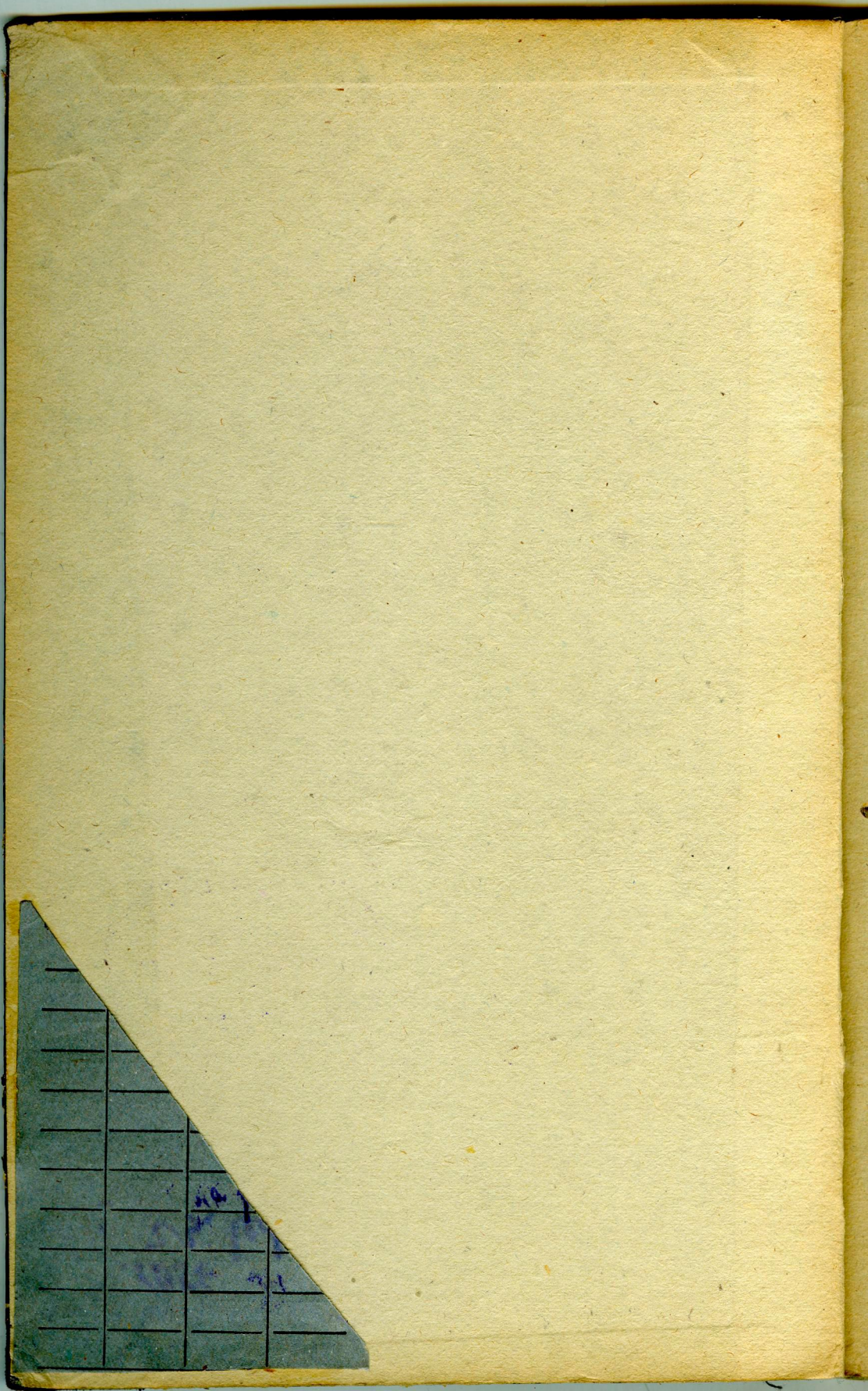

9(4)

H-80_H

~~64062-1/2~~

Копи

118-

NOV 3
1894

258
Х-44
9(4)
Н-80

844

Баронъ Б. Э. Нольде.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Опытъ дипломатической исторіи.

Цѣна 60 коп.

48
51
67

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Москва—Петроградъ. 1915 г.

Открыта подписка на 1915 годъ

и продолжается подписка на 1914 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествоующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналъ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

2. Въ Россіи и за границей. (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. Критическое Обзорѣніе (Библиографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обзорѣнію прилагается расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.

Постоянное участіе въ „Русской Мысли“ принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Θ. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Махлаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Нордовъ, А. М. Обуховъ, А. М. Рыкачевъ, кн. Евг. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ. Въ ближайшіе мѣсяцы настоящаго и наступающаго года „Русская Мысль“ удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи . . .	15 р.	11 р.	25 к.	7 р. 50 к. 3 р. 75 к.
За границу . . .	17 „	12 „	25 „	8 „ 50 „ 4 „ 25 „
На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи .	1 р.	25 к.		

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа ММ журнала въ Петроградѣ, въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостинный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Баронъ Б. Э. Нольде.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Опытъ дипломатической исторіи.

Оттискъ изъ журнала *Русская Мысль*, октябрь, 1914 г.

МОСКВА — ПЕТРОГРАДЪ.
1915 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Вѣна	Стр. 4—15
2. Петербургъ	16—25
3. Берлинъ	25—40

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

Какъ началась война?

Можетъ казаться, что нѣтъ надобности ставить вопроса. Повидимому, весь міръ знаетъ, что и какъ произошло за тѣ тринадцать дней, которые отдѣляютъ врученіе австро-венгерскаго ультиматума Сербіи отъ врученія англійскаго ультиматума Германіи, тринадцать, вѣроятно, самыхъ яркихъ дней въ исторіи послѣдняго столѣтія, и я ничего не могу прибавить къ тѣмъ даннымъ, которыя съ начала войны сдѣлались достояніемъ гласности. И тѣмъ не менѣе попытка еще разъ мысленно вернуться къ общеизвѣстному и всѣми обдуманному можетъ, на мой взглядъ, быть оправдана. Мы читали газеты, слушали рѣчи министровъ, изучали оранжевую книгу, можетъ быть, прочли документы, представленные англійскому парламенту, и документы, представленные рейхстагу, но все это проходило черезъ наше сознаніе по мѣрѣ того, какъ издавалось или какъ попадало въ Россію, т.-е. проходило въ порядкѣ случайномъ, не такъ, какъ развивались событія, а такъ, какъ мы о нихъ узнавали. Теперь можно собрать всѣ данныя, попытаться каждое изъ нихъ поставить на свое мѣсто и по свѣжимъ слѣдамъ возстановить истинный ходъ исторіи. Я не имѣю претензіи открыть глубокія и отдаленныя причины войны и сомнѣваюсь даже въ возможности свести къ фатальной и необходимой игрѣ такихъ „причинъ“ ея возникновеніе. Условій, вызвавшихъ борьбу, безконечное множество, малыхъ и большихъ, близкихъ и отдаленныхъ, какъ безконечно сложно то, что мы называемъ однимъ и, съ перваго взгляда, простымъ словомъ „война“. Графъ Берхтольдъ велъ свой историческій разговоръ 15/28 іюля съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ такъ, а не иначе,—и потому, что онъ обладалъ опредѣленными личными свойствами, и потому, что его окружала опредѣленная среда, и потому, что былъ убитъ эрцгерцогъ, и потому, что австро-венгерская политика потерпѣла фіаско во время балканскаго кризиса 1912—1913 годовъ, и потому, что до Берхтольда на Баллыплацъ си-

дѣлъ графъ Эренталь и объявилъ аннексію Босніи и Герцеговины, а до того совершалась турецкая революція, а ранѣе русско-японская война и еще ранѣе былъ Берлинскій конгрессъ и жилъ Андраши, и т. д., и т. д. Вмѣсто обманчиваго „прагматизма“ я ищу лишь точнаго описанія всего важнаго въ томъ, что на самомъ дѣлѣ совершилось. Такое описаніе есть первый ключъ къ исторіи: какъ было—лучшее объясненіе, почему было. Я предлагаю опытъ такого описанія начала войны, хочу возможно полно рассказать, что совершилось за тѣ тринадцать дней, въ теченіе которыхъ мирная вчера Европа вошла въ полосу величайшаго историческаго испытанія.

1.

В ѣ н а.

15/28 іюня 1914 г. былъ убитъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. 10/23 іюля австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ сербскому правительству ультиматумъ, содержащій рядъ всѣмъ памятныхъ требованій и приглашавшій сербовъ дать имъ удовлетвореніе въ теченіе 48 часовъ. Уже продолжительность срока, отдѣлявшаго день убійства отъ дня ультиматума, указывала, что бумага австрійцевъ писалась не торопясь, много разъ обдумывалась, вѣроятно, обсуждалась во всѣхъ инстанціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ оказалось, что весь австро-венгерскій дипломатическій аппаратъ былъ заведенъ самымъ аккуратнымъ и тщательнымъ образомъ: всѣмъ посламъ и посланникамъ было сказано, что, гдѣ и какъ говорить, объясняя бумагу; у союзниковъ — навѣрное въ Берлинѣ и, вѣроятно, въ Римѣ — была испрошена поддержка; посланнику въ Бѣлградѣ было сказано, какъ онъ долженъ уѣзжать въ случаѣ отказа принять ультиматумъ. Несомнѣнно столь же внимательно были обсуждены и военныя мѣры воздѣйствія на Сербію. Даже сербамъ было точно указано, что имъ надлежало дѣлать, въ какой газетѣ печатать повинную за „соучастіе“ въ убійствѣ эрцгерцога, даже на какой страницѣ газеты. Дипломатическая техника торжествовала. Спрашивается, торжествовало ли дипломатическое искусство? Были ли согласованы цѣли и средства, были ли зрѣло обдуманы задачи, ясно оцѣнены всѣ возможности?

Прежде всего, какова была задача? Австрійскіе дипломаты давали разныя объясненія, приноровленные къ разнымъ слушателямъ. Есть, прежде всего, офиціальная версія, которую имъ предписано было излагать въ столицахъ великихъ державъ, передавая текстъ ультиматума. Это—версія, такъ сказать, „оборонительная“: Австро-Венгрія угрожаетъ „преступная агитація“ Сербіи, „интриги“ Сербіи вызвали царубійство, надо побудить Сербію остановить „разрушительное“ движеніе. „Импера-

торское и королевское правительство убѣждено“, говорилось въ официальномъ документѣ, который оставилъ австрійскій посолъ въ Вѣнѣ графъ Менздорфъ сэру Эдуарду Грею на слѣдующій день послѣ передачи ультиматума, „что, предпринимая этотъ шагъ, оно находится въ полномъ согласіи съ чувствами, раздѣляемыми всѣми цивилизованными націями, которыя не могли бы допустить, чтобы царубійство сдѣлалось оружіемъ, которымъ можно было бы безнаказанно пользоваться въ политической борьбѣ, и чтобы европейскій миръ постоянно нарушался теченіями, исходящими изъ Бѣлграда“ ¹⁾. Это объясненіе задачъ Австріи множество разъ повторялось на разные лады: можно думать, что вѣрили въ его особливую убѣдительность. Его повторяли даже тогда, когда событія его опровергли съ достаточной наглядностью. Германскіе послы, которымъ имперскій канцлеръ предписалъ телеграммой, отправленной въ день австрійскаго ультиматума, поддерживать этотъ шагъ Австріи, особенно охотно къ нему возвращались. Въ упрощенной формѣ мы встрѣчаемся съ нимъ въ телеграммѣ императора Вильгельма Государю 15/28 іюля: „Безсовѣстная агитація, которая ведется уже столько лѣтъ въ Сербіи, закончилась отвратительнымъ преступленіемъ, жертвой котораго сдѣлался эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Духъ, который заставилъ сербовъ убить своего собственнаго короля и его супругу, еще и сегодня господствуетъ въ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, Ты согласишься со мной, что Мы оба, Ты и я, какъ и всѣ суверены, имѣемъ общій интересъ въ томъ, чтобы всѣ тѣ, кто несетъ отвѣтственность за ужасное убійство, потерпѣли заслуженное наказаніе“. Или еще проще въ разговорѣ германскаго военнаго уполномоченнаго въ Петербургѣ ²⁾ съ помощникомъ командующаго главной квартирой княземъ Ю. И. Трубецкимъ, который германское правительство почему-то пожелало занести на страницы своей бѣлой книги: „Въ Германіи послѣ сараевского убійства больше не понимаютъ словъ Россіи: мы не можемъ оставить безъ помощи нашихъ братьевъ въ Сербіи“.

Я сказалъ, что официальная австрійско-германская „оборонительная“ версія была опровергнута весьма скоро: въ этомъ заслуга Пашича. Во множествѣ дипломатическихъ документовъ, изъ которыхъ складывается переписка, предшествовавшая войнѣ, можетъ быть, самый мудрый и совершенный есть сербскій отвѣтъ на австрійскій ультиматумъ: въ немъ вылилось истинное искусство. Австрійскія требованія противорѣчили сербскому суверенитету, даже самое ихъ число было рассчитано на то, чтобы вызвать отказъ со стороны сербовъ; Пашичъ при-

¹⁾ Пользуюсь по возможности переводами въ русскомъ изданіи англійской синей книги: Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ. Петроградъ, 1914.

²⁾ Пишу „Петербургъ“, чтобы сохранить имя, существовавшее въ тѣ дни, которые описываю.

няли всѣ малыя и большія требованія, далъ объясненіе по всѣмъ пунктамъ, но—почти незамѣтно и очень остроумно—вытравилъ все то, что разсчитано было на умаленіе сербскаго суверенитета и прямое униженіе страны. Торжественно возвѣщенные австрійскими дипломатами мотивы „государственной обороны“ монархіи, призывы охранять монархическій принципъ сразу поблѣднѣли и разсѣялись. „Цареубійцы“ заявили полную готовность карать „преступную агитацію“ и выполнить—только въ согласіи съ державными правами королевства—все, чего желали въ Вѣнѣ. Съ совершенной очевидностью обнаружилось, что въ обстоятельствахъ смерти эрцгерцога искали лишь предлога для выступления, задачи котораго стояли далеко отъ всѣхъ, поминавшихся въ австрійскомъ ультиматумѣ Принциповъ, Габриловичей, Цигановичей, „Народныхъ Обранъ“ и т. д.

Австрійскіе дипломаты хорошо знали, что, кромѣ официальной версіи, есть и то существо дѣла, о которомъ говорить не было поручено, но о которомъ невольно говорить приходилось. Впрочемъ, даже въ той официальной бумагѣ, которой истолковывался въ большихъ центрахъ ультиматумъ, заключался намекъ на истинныя цѣли австрійскаго вмѣшательства. „Соблюдая благожелательное отношеніе къ политическимъ интересамъ Сербіи“, говорилось тамъ, „императорское и королевское правительство надѣялось, что королевство рѣшится въ концѣ-концовъ слѣдовать съ своей стороны аналогичной линіи поведенія. Австро-Венгрія ожидала такого рода переменъ въ политическихъ идеяхъ Сербіи въ особенности съ того времени, когда, послѣ событій 1912 года, императорское и королевское правительство, занявъ незаинтересованное и чуждое зложелательства положеніе, сдѣлало возможнымъ столь значительное расширеніе Сербскаго королевства“. Этотъ туманный намекъ на сербскую „неблагодарность“ нѣсколько разъясняется въ словахъ, сказанныхъ австро-венгерскимъ посломъ Грею нѣсколькими днями позднѣе (14/27 іюля): „Пока Сербія граничила съ Турціей, Австрія никогда не принимала очень суровыхъ мѣръ въ силу своей привязанности къ политикѣ свободнаго развитія балканскихъ государствъ. Нынѣ же, когда Сербія удвоила свою территорію и народонаселеніе, чему Австрія не чинила ни малѣйшихъ препятствій, подавленіе сербскихъ революціонныхъ тенденцій стало для Австріи вопросомъ самозащиты и самосохраненія“. Опять-таки не откровенно, обинякомъ, но все же уже яснѣе здѣсь указывается, что австрійскіе дипломаты думали, прежде всего, навестать упущенія своей прошлой политики, политики времени балканскаго кризиса, когда составляли сербскій ультиматумъ. У насъ писали и, кажется, думали, что балканскій кризисъ былъ выгоденъ Австро-Венгріи. Эта легенда теперь можетъ быть сдана въ архивъ. Невыгоды были такъ велики, что Австрія, пытаясь исправить ихъ, рискнула европей-

ской войной. Отказъ отъ пути на Салоники и удвоенная Сербія, съ сомнительнымъ утѣшеніемъ албанской анархіи и распри съ Италіей, таковъ былъ итогъ балканскаго кризиса для Австро-Венгіи; этотъ итогъ пожелали скинуть со счетовъ. Генеральный секретарь итальянскаго министерства иностранныхъ дѣлъ правильно понималъ, когда говорилъ англійскому послу въ день предъявленія ультиматума Сербіи: „Серьезность положенія лежитъ въ убѣжденіи австро-венгерскаго правительства, что совершенно необходимо для его престижа, послѣ столькихъ разочарованій, вызванныхъ ходомъ событій на Балканахъ, добиться окончательнаго успѣха“.

Что интересно отмѣтить: при всей сдержанности профессиональных дипломатовъ попытка возстановить политическія потери 1912—1913 гг., сдѣланная вѣнскимъ правительствомъ, сразу же обнаружила въ нихъ какъ будто сданныя въ архивъ традиціи габсбургскаго „имперіализма“. Онъ не сказывался въ разговорахъ съ русскими, но съ англичанами австрійцы были откровенны: это понятно, ибо, какъ я покажу ниже, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ вѣрили въ нейтралитетъ Англии. Вотъ два эпизода. На слѣдующій день послѣ объявленія войны Сербіи австро-венгерскій посолъ въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на замѣчаніе Грея о впечатлѣніи, которое война произведетъ въ Россіи, сказалъ: „До балканской войны о Сербіи всегда говорили, что она находится въ сферѣ австрійскаго вліянія“. Въ тотъ же день на другомъ концѣ Европы, въ Константинополѣ, австрійскій посолъ заговорилъ о Салоникахъ. „Я пришелъ къ заключенію“, телеграфируетъ англійскій представитель въ Турціи въ Лондонъ, „что намѣренія Австріи, быть можетъ, простираются гораздо дальше санджака и карательнаго занятія сербской территоріи. Я сдѣлалъ этотъ выводъ на основаніи замѣчанія здѣшняго австрійскаго посла, который говорилъ о плачевномъ положеніи Салоникъ подѣ управленіемъ Греціи и о помощи, на которую можетъ разсчитывать австрійская армія со стороны мусульманскаго населенія, недовольнаго сербскимъ владычествомъ“.

Воскресенье габсбургскаго „имперіализма“, которое мы чувствуемъ въ этихъ, отмѣченныхъ документами, эпизодахъ, какъ всегда бываетъ, льстило толпѣ и опиралось на фундаментъ скрытыхъ народныхъ инстинктовъ. Объ этомъ рассказываетъ англійскій посолъ въ Вѣнѣ, сэръ М. ди Бунзенъ, въ своемъ общемъ обзорѣ кризиса, написанномъ по возвращеніи въ Лондонъ: „Поведеніе населенія въ Вѣнѣ и, мнѣ сообщали, въ другихъ главныхъ городахъ монархіи краснорѣчиво обнаруживало популярность мысли о войнѣ съ Сербіей, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что маленькая кучка политическихъ людей Австріи и Венгріи, которые рѣшились на памятное выступленіе, правильно оцѣнивали настроеніе и, можно сказать, рѣшимость народа, за исключеніемъ, вѣроятно, частей провинцій, населенныхъ славянскими

племенами. Вездѣ было много разочарованія, что война съ Сербіей была избѣгнута во время аннексіоннаго кризиса 1908 г. и опять въ связи съ балканской войной. Мирная политика графа Берхтольда не встрѣтила сочувствія въ делегаціяхъ. Теперь двери были открыты, и все населеніе, и вся пресса нетерпѣливо требовали немедленнаго и примѣрнаго наказанія ненавистнаго сербскаго народа“.

Таковы были задачи, въ которыхъ признавались открыто, и тѣ, въ которыхъ официально не признавались, но которыя скрыть было нельзя. Средства ихъ достигнуть были обдуманы не менѣе тщательно. Они рисовались такъ. Ультиматумъ, принятіе котораго означало, какъ выразился С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Пурталесомъ, превращеніе Сербіи въ Бухару, а непринятіе вызывало войну и тотъ же конечный результатъ; для обезпеченія невмѣшательства Россіи сразу же, одновременно съ обнародованіемъ ультиматума, предупредительная угроза Германіи по ея адресу, а кстати и по адресу Франціи. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, повидимому, не сомнѣвались въ дѣйствительности этого, въ общемъ довольно несложнаго плана, скопированнаго съ образца, даннаго даровитымъ предшественникомъ мало способнаго графа Берхтольда—Эренталемъ въ періодъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Сначала дѣйствительно все разыгрывалось, какъ по нотамъ; всѣ были разставлены на мѣста и говорили то, что нужно; если и обнаружилось довольно скоро, что на австрійское выступленіе отвѣчаютъ не такъ, какъ по расписанію слѣдовало, то первоначально этому ни Вѣна, ни Берлинъ, видимо, не придавали значенія, увлеченные своими собственными замыслами и своимъ собственнымъ пониманіемъ положенія.

Сначала—ультиматумъ и заявленія австрійскихъ пословъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ на тему о преступной агитаціи и цареубійствѣ, заявленія, сами по себѣ лишены интереса и исчерпывавшія воспроизведеніемъ уже извѣстной намъ официальной версіи о задачахъ ультиматума. Далѣе—появленіе въ кабинетахъ С. Д. Сазонова, Бьенвеню-Мартена (замѣнявшаго ѣздившаго съ президентомъ Вивіани) и сэра Эдуарда Грея, слѣдомъ за австрійскими, германскихъ пословъ, весьма рѣшительно заговорившихъ въ пользу австрійскаго выступленія. Заявленія германскихъ представителей даютъ возможность измѣрить политическую температуру первыхъ дней кризиса. Выступленіе ихъ есть результатъ предварительнаго сговора между Берлиномъ и Вѣной—въ этомъ нельзя сомнѣваться уже въ виду того простого факта, что инструкціи изъ Берлина были даны посламъ еще до врученія ультиматума Сербіи; значитъ, степень энергіи, вложенной въ германскую поддержку, была опредѣлена общимъ соглашеніемъ и признана достаточной для достиженія цѣли. Заявленіе германскихъ пословъ заканчивалось слѣдующими положеніями (въ Лондонѣ они были сдѣланы и письменно): „Если

австро-венгерское правительство не желаетъ окончательно потерять своего великодержавнаго положенія, то для него нѣтъ иного выбора, какъ только добиться отъ сербскаго правительства исполненія своихъ требованій путемъ энергичнаго давленія и даже, если будетъ необходимо, съ помощью вооруженной силы, такъ какъ выборъ средствъ долженъ быть предоставленъ ему одному. Имперское правительство находить нужнымъ настойчиво подчеркнуть свое мнѣніе, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ лишь о дѣлѣ, которое должно быть улажено исключительно между Австро-Венгріей и Сербіей, и великія державы должны серьезно озаботиться тѣмъ, чтобы ограничить дѣло исключительно двумя непосредственно заинтересованными сторонами. Имперское правительство настоятельно желаетъ локализациі конфликта, такъ какъ всякое вмѣшательство со стороны другой державы повлекло бы за собой, въ виду различныхъ союзныхъ обстоятельствъ, неисчислимыя послѣдствія¹⁾. Когда это заявленіе на слѣдующее утро попало въ печать—а попало оно въ печать въ Парижѣ,—оно было истолковано, какъ угроза; бар. ф.-Шенъ пріѣзжалъ во французское министерство доказывать, что никакой угрозы нѣтъ, но оцѣнка была, конечно, вѣрной. Надѣясь, очевидно, сразу же обезпечить успѣхъ австрійскаго шага, Германія—раньше, чѣмъ даже могло выясниться отношеніе державъ—дѣйствительно обратилась къ угрозамъ. Много говорилось о томъ, знала или не знала Германія текстъ ультиматума Сербіи; германскій посолъ въ Парижѣ, германскій посолъ въ Петербургѣ и самъ статсъ-секретарь ф.-Яговъ тщательно отрицали свою освѣдомленность, причемъ ф.-Яговъ, разговаривая съ англійскимъ посломъ, даже заявилъ „частнымъ образомъ“, что австрійская нота „оставляетъ, какъ дипломатическій документъ, многого желать“, и что во всякомъ случаѣ „содержаніе ноты“ ему было извѣстно. Мы знаемъ теперь, что нота была до ея врученія сообщена германскому послу въ Вѣнѣ и имъ протелеграфирована императору Вильгельму¹⁾; но допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ текстъ ультиматума не былъ редактированъ по предварительному соглашенію и что ф.-Яговъ сумѣлъ бы сдѣлать ноту, „какъ дипломатическій документъ“, болѣе совершенной, чѣмъ это удалось графу Берхтольду. Но и при такихъ условіяхъ останется несомнѣннымъ, что политическій смыслъ ультиматума—а въ немъ все дѣло—былъ хорошо понять и вполне одобренъ

¹⁾ Англійскій посолъ въ Вѣнѣ сэръ М. ди Бунзенъ въ телеграммѣ 17 іюля: „Хотя я и не могу провѣрить этого, но получилъ частныя свѣдѣнія о томъ, что германскій посолъ зналъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и протелеграфировалъ его германскому императору. Я слышалъ отъ самого германскаго посла, что онъ подписывается подъ каждымъ его пунктомъ“.

германскимъ правительствомъ раньше, чѣмъ онъ былъ предъявленъ. Конечно, ф.-Бетманъ-Гольвегу не было надобности включать въ инструкцію германскимъ посламъ угрожающихъ ссылокъ на „союзныя обязательства“ и настоятельно призывать къ „локализациі конфликта“, если бы рѣчь шла о неизвѣстномъ Германіи и къ тому же несовершенномъ упражненіи вѣнской дипломатической канцеляріи. Германское правительство знало, что дѣлало. Я не думаю, что оно связывало уже съ этимъ первымъ своимъ выступленіемъ сознательный расчетъ вызвать европейскую войну; эта рѣшимость созрѣла нѣсколькими днями поздиѣ. Но все же объясненія ф.-Шена и ф.-Ягова были, конечно, неискренними. Первое выступленіе внушено было совершенно опредѣленнымъ стремленіемъ, занявъ угрожающее положеніе, обезпечить успѣхъ австрійскаго выступления и нанести политическій ударъ Россіи.

Пославъ ультиматумъ и вооруживъ его германскими угрозами, дипломатія двухъ союзниковъ рѣшила, что дѣло сдѣлано и что остается только ждать времени, когда можно будетъ пожать плоды проявленной энергіи. Графъ Берхтольдъ, рассказавъ содержаніе ультиматума русскому повѣренному въ дѣлахъ князю Н. А. Кудашеву, уѣхалъ изъ Вѣны въ Ишль и не сталъ дожидаться русскаго отвѣта. Когда этотъ отвѣтъ пришелъ и оказался просьбой продлить срокъ ультиматума, съ нимъ пришлось объясняться по телефону и посылать телеграммы, что значительно упрощало отказы. Даже въ Берлинѣ англійскому послу на просьбу поддержать отсрочку ультиматума отвѣтили, что за отвѣздомъ Берхтольда въ Ишль сдѣлать это невозможно. Когда ультиматумъ былъ Сербіей отвергнутъ и объявленіе ей войны было отправлено, графъ Берхтольдъ снова появился въ Вѣнѣ, но продолжалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ заявлять, что Австро-Венгрія не можетъ измѣнить принятаго рѣшенія.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ ждали изо дня въ день, что задуманная развязка дипломатической кампаніи, развязка, которую называли „локализацией спора“, наконецъ, наступитъ безъ всякихъ новыхъ усилій, только съ твердымъ сохраненіемъ разъ занятой австрійскими и германскими дипломатами позиціи. Эта увѣренность питалась двумя коренными заблужденіями,—заблужденіями, которыхъ, конечно, никогда не простятъ руководителямъ вѣшнихъ судебъ двухъ странъ ихъ народы, какъ только они въ состояніи будутъ размышлять спокойно и узнаютъ правду. Первое основное заблужденіе заключалось въ полной увѣренности, что Россія уступитъ, какъ только увидитъ серьезность положенія; второе—не менѣе основное—въ убѣжденіи, что скрывавшаяся въ формулѣ „локализация войны“ угроза заставитъ Францію и Англію отказать Россіи въ поддержкѣ и тѣмъ самымъ уединитъ Россію и дипломатически, и въ войнѣ, если бы, паче чаянія, война началась.

Дипломатическіе документы даютъ множество свидѣтельствъ, что и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ рассчитывали на уступчивость Россіи. Эти свидѣтельства настолько любопытны, что ихъ стоитъ собрать воедино. Н. Н. Шебеко телеграфировалъ 14/27 іюля въ Петербургъ: „Надо полагать, что Австрія рассчитывала подъ вліяніемъ завѣреній германскаго представителя въ Вѣнѣ, игравшаго въ теченіе всего кризиса роль подстрекателя, на вѣроятность локализациі конфликта съ Сербіей и на возможность нанести ей безнаказанно тяжкій ударъ“. Англійскій посолъ въ Вѣнѣ, описывая уже по возвращеніи на родину все, что произошло за время кризиса, писалъ, что въ Вѣнѣ царила полная увѣренность, будто выступленіе Австро-Венгріи не повлечетъ за собой вооруженнаго вмѣшательства другихъ великихъ державъ. С. Д. Сазоновъ говорилъ англійскому послу въ Петербургѣ утромъ въ день объявленія войны Германіей: „Германія неудачно выбрала своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петербургѣ: первый—отчаянный руссофобъ, который все время подстрекалъ Австрію, а второй успокаивалъ свое правительство, что Россія никогда не согласится на войну“. „Германскій посолъ увѣренъ—доносилъ сэръ М. ди Бунзенъ въ Лондонъ 13 іюля,—что Россія будетъ держаться спокойно во время экзекуціи, которой Австрія рѣшила подвергнуть Сербію, такъ какъ она получила завѣренія, что Австро-Венгрія не присоединитъ сербской территоріи. На мой вопросъ, не будетъ ли принуждено русское правительство вмѣшаться въ силу требованій общественнаго мнѣнія, такъ какъ дѣло идетъ о родственной народности, онъ сказалъ, что все зависитъ отъ личности русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который, если онъ захочетъ, легко можетъ произвести давленіе на нѣсколько газетъ. Онъ указалъ на то, что дни панславистской агитаціи въ Россіи прошли и что Москва совершенно спокойна. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ думаетъ его превосходительство, не будетъ столь неблагоразуменъ, чтобы сдѣлать шагъ, который, вѣроятно, вызвалъ бы постановку многихъ пограничныхъ вопросовъ, въ коихъ Россія заинтересована, ибо на очередь стануть вопросы шведскій, польскій, рутенскій (sic), румынскій и персидскій. Франція также не находится въ такомъ состояніи, чтобы помышлять о войнѣ“. „Австрійскій коллега сказалъ мнѣ сегодня“, доносилъ 15/28 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ, „что всеобщая война въ высшей степени невѣроятна, такъ какъ Россія не хочетъ и не въ состояніи вести войну. Мнѣ кажется“, прибавляетъ Гошенъ, „что это мнѣніе раздѣляется здѣсь (въ Берлинѣ) весьма многими“.

По понятнымъ причинамъ германское правительство не включило въ изданные имъ документы тѣхъ донесеній своихъ пословъ, въ которыхъ они писали, что Россія воевать не будетъ; австрійское правительство вообще документовъ не печатало. Но достаточно прочесть приведенныя

выше свидѣтельства и особенно телеграммы англійскаго посла въ Вѣнѣ съ которымъ всѣ участники событій были весьма откровенны, чтобы утверждать, что оба союзныхъ правительства получали изъ Петербурга донесенія о полной неспособности Россіи къ дѣятельному выступленію. Я увѣренъ, что наличность этихъ документовъ въ архивахъ Берлина и Вѣны оспариваться не можетъ. Но даже и въ осторожной,—сдѣланной послѣ начала войны,—редакціи германской бѣлой книги есть слѣды той же близорукости вѣры съ пассивность русскаго правительства. Германское правительство питалось заржавѣвшими отъ времени, совершенно лубочными представленіями, что въ Россіи есть двѣ силы и два теченія: „панславизмъ“—пресловутый „Panslavismus“ временъ еще Бисмарка—и разумные консервативные верхи, традиціонно вѣрные Германіи, причемъ эти верхи и традиція, которую они представляли, безъ труда могутъ и должны справиться съ „панславизмомъ“. Эта упрощенная картина современной Россіи—Россіи послѣ 1905—1906 гг.—составляетъ предпосылку той оцѣнки положенія, которую давалъ ф.-Бетманъ-Гольвегъ въ своемъ обращеніи къ союзнымъ правительствамъ въ разгаръ кризиса (15/28 іюля), обнародованномъ въ бѣлой книгѣ:

„Отдѣльные голоса въ Россіи“, пишетъ канцлеръ, „видятъ само собой разумѣющееся право и задачу Россіи въ вмѣшательствѣ въ пользу Сербіи въ конфликтѣ между ней и Австро-Венгріей. За европейскую смуту, которая явится послѣдствіемъ такого шага Россіи, *Новое Время* дѣлаетъ отвѣтственнымъ Германію, поскольку она не побудитъ Австро-Венгрію къ уступчивости. Русская печать тѣмъ самымъ совершенно извращаетъ положеніе...

„Образъ дѣйствій имперскаго правительства въ этомъ вопросѣ намѣчается ясно. Агитація панславистовъ противъ Австро-Венгріи имѣетъ конечной цѣлью, путемъ разрушенія дунайской монархіи, добиться уничтоженія или ослабленія тройственнаго союза и, какъ слѣдствіе, уединенія германской имперіи. Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи“...

Въ разгаръ кризиса участникъ событій, имѣвшій возможность сохранить наибольшее спокойствіе и объективность оцѣнокъ,—итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ ди Санъ Джуліано, обсуждая опасность положенія, видѣлъ ее въ томъ, что „представлялось труднымъ заставить Германію повѣрить, что намѣренія Россіи серьезны“ (that Russia was in earnest)—(разговоръ съ англійскимъ посломъ 16/29 іюля). И тутъ же онъ давалъ понять, что Германія равнымъ образомъ не допускаетъ возможности вмѣшательства Англіи, и совѣтовалъ своему собесѣднику вывести Германію изъ этой увѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, убѣжденіе въ необходимой пассивности Россіи сочеталось въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ кореннымъ заблужденіемъ относительно роли Франціи и

Англіи въ европейскомъ кризисѣ. Францію надѣялись запугать, а съ Англіей рассчитывали итти заодно на всемъ протяженіи кризиса.

Германскій посолъ въ Парижѣ, баронъ ф.-Шенъ, каждый день ѣздилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и можно прослѣдить за всѣми его попытками устрашенія Франціи. Первый визитъ намъ уже извѣстенъ: это визитъ 11/24 іюля, на другой день послѣ австрійскаго ультиматума, съ заявленіями о „локализаци“ и о „разнообразныхъ союзныхъ обязательствахъ“. На слѣдующій день, когда въ газетахъ было напечатано о его „угрозахъ“, онъ пріѣхалъ, говорилъ, что „угрозы“ не было, но кончилъ словами: „Германія одобряетъ точку зрѣнія Австріи, и, конечно, разъ стрѣла выпущена, Германія можетъ только руководствоваться своими союзническими обязанностями“. Баронъ ф.-Шенъ лично, быть можетъ, и не стремился продолжать разговоръ въ томъ же угрожающемъ тонѣ: онъ не новая фигура на европейской дипломатической сценѣ, и во время его министерства въ Берлинѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, франко-германскія отношенія были налажены удовлетворительно, но, видимо, въ Берлинѣ этимъ угрозамъ придавалось большое значеніе, ибо черезъ день послѣ его второго объясненія ему была отправлена канцлеромъ новая телеграфная инструкція, гдѣ было сказано, что на Россіи лежитъ отвѣтственность за европейскій миръ, и которая кончалась словами: „Мы возлагаемъ надежду на Францію, съ которой мы одинаково стремимся къ сохраненію европейскаго мира, въ томъ, что она употребитъ свое вліяніе на Россію въ успокоительномъ смыслѣ“. Посолъ поспѣшилъ выполнить приказаніе. Это третье заявленіе вызвало уже не только въ печати, но и въ правительствѣ совершенно опредѣленное впечатлѣніе: „Директоръ политическаго департамента“, телеграфируетъ въ этотъ день въ Петербургъ М. М. Севастопуло, „высказалъ, какъ личное мнѣніе, что послѣдовательныя германскія выступленія въ Парижѣ имѣютъ цѣлью запугать Францію и вызвать воздѣйствіе ея въ Петербургѣ“. 14/27 іюля ф.-Шенъ снова появился въ министерствѣ и уже письменно повторилъ, что раньше заявлялъ словесно. Впечатлѣніе осталось снова совершенно опредѣленное; на этотъ разъ его изложилъ вернувшемуся въ тотъ день въ Парижъ А. П. Извольскому министръ юстиціи Бьенвеню-Мартенъ, замѣнявшій Вивіани, такъ: „выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнную цѣлью разъединить Россію и Францію, завлечь французское правительство на путь представленій въ Петербургѣ и тѣмъ скомпрометировать нашего союзника въ нашихъ глазахъ, а въ случаѣ войны отбросить отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію“. Франко-германскіе разговоры такъ до конца и велись въ этомъ тонѣ устрашенія: наканунѣ войны, 16/29 іюля, канцлеръ приказывалъ ф.-Шену угрожать уже безъ обиняковъ военными мѣрами, а 18/31-го ф.-Шенъ потребовалъ

въ опредѣленный срокъ отвѣта, какое положеніе займетъ Франція въ русско-германской войнѣ, чтобы выслушать на слѣдующій день полный достоинства отвѣтъ Вивіани, что Франція поступитъ такъ, какъ ей повелѣваютъ ея интересы.

Разговоры съ Англіей велись совершенно иначе и обнаруживали, что расчетъ на ея невмѣшательство былъ построенъ на надеждѣ усыпить энергію англійскаго правительства мягкостью и миролюбіемъ австрійскихъ и германскихъ выступленій. Расчетъ былъ наивенъ, ибо Англію не могло ввести въ заблужденіе миролюбіе тона князя Лихновскаго и графа Менздорфа въ то время, какъ весь міръ кругомъ былъ наполненъ шумомъ угрозъ и бряцаніемъ оружія австрійцевъ и германцевъ. Наивность расчета особенно наглядно видна въ дѣятельности Менздорфа, австрійскаго посла въ Лондонѣ, который, повидимому, былъ совершенно неспособенъ усвоить себѣ обстановку. 12/25 іюля онъ пришелъ къ сэру Эдуарду Грею и формально, ссылаясь на приказанія своего правительства, объяснилъ, что выступленіе въ Бѣлградѣ не есть ультиматумъ, а есть лишь „*démarche*“ съ указаніемъ срока, а что если австрійскія требованія не получаютъ удовлетворенія, то австро-венгерское правительство прерветъ дипломатическія отношенія и начнетъ военныя приготовленія, но не военныя дѣйствія. Сэръ Эдуардъ Грей поспѣшилъ протелеграфировать это заявленіе въ Парижъ и Петербургъ, прибавляя, что острота положенія скорѣе уменьшилась, и въ Вѣну, выражая полное удовлетвореніе по поводу рѣшенія Австро-Венгрии. Но уже на слѣдующій день со всѣхъ сторонъ стали приходить извѣстія, что война будетъ Австріей объявлена немедленно. Что могло быть результатомъ, кромѣ убѣжденія Грея въ неискренности австрійцевъ? Когда 14/27 іюля Менздорфъ пришелъ объяснить Грею, что Австро-Венгрія „вынуждена“ воевать съ Сербіей, онъ выслушалъ только слова суроваго упрека; но и въ этомъ второмъ разговорѣ проглядываетъ увѣренность, что добрымъ словомъ не трудно убаюкать Англію. „Высокое чувство справедливости британскаго народа и британскихъ государственныхъ людей“, убѣждалъ посолъ, „не позволить имъ осудить австрійское правительство за то, что оно мечомъ будетъ защищать свое достоинство... Австрійское правительство, полагаясь на дружескія отношенія съ нами (Англіей), чувствуетъ, что оно можетъ рассчитывать на наше сочувствіе въ борьбѣ, на которую его вынудили, и на нашу помощь для локализациі борьбы въ случаѣ надобности“... Почти наканунѣ войны (16/29) Менздорфъ принесть въ англійское министерство длинный меморандумъ, въ которомъ, по его словамъ, заключалось „полное объясненіе необходимости австрійскаго выступленія“; при всей корректности дипломатическихъ документовъ изъ отчета Грея объ этой бесѣдѣ видно, что на этотъ разъ собесѣдника взяла досада: „Я сказалъ“, пишетъ Грей, „что не имѣю никакого желанія обсу-

ждать, кто правъ въ вопросѣ между Австріей и Сербіей. Сегодняшнія извѣстія кажутся мнѣ очень дурными для европейскаго мира...“ Руководители и дѣятели германской политики еще въ большей степени, чѣмъ австрійцы, пребывали въ увѣренности, что Англія будетъ поддерживать ихъ въ теченіе всего кризиса, какъ бы далеко они ни пошли. Правда, эта увѣренность не выражалась въ столь наивной формѣ, какъ у Менздорфа,—германскій посолъ въ Лондонѣ, князь Лихновскій, велъ дѣло гораздо тоньше,—но ее также легко обнаружить. Достаточно прочесть самый, быть можетъ, любопытный документъ изъ всѣхъ обнародованныхъ въ связи съ войной—описаніе разрыва съ Германіей, сдѣланное англійскимъ посломъ сэромъ Э. Гошеномъ; вотъ описаніе послѣдняго свиданія Гошена съ имперскимъ канцлеромъ 22 іюля/30 августа. „Я нашелъ канцлера“, пишетъ посолъ, „въ большомъ волненіи. Его превосходительство сразу же началъ рѣчь (a harangue), которая длилась около 20 минутъ. Онъ сказалъ, что поступокъ правительства его величества до послѣдней степени ужасенъ; только изъ-за слова „нейтралитетъ“—слова, которое такъ часто нарушалось, только изъ-за листка бумаги Великобританія готова вести войну съ родственнымъ народомъ, который больше ничего не желалъ, какъ быть ея другомъ. Всѣ его усилія въ этомъ направленіи были сдѣланы безплодными этимъ послѣднимъ шагомъ, и политика, которой онъ, какъ я знаю, себя посвятилъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ должность, распалась, какъ карточный домикъ. То, что мы сдѣлали, невообразимо; это было ударомъ сзади въ чело-вѣка, въ то время какъ онъ борется за свою жизнь противъ двухъ нападающихъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ ужасныя событія, которыя могутъ случиться“... Сопоставимъ эти слова, въ которыхъ, черезъ сухой и дѣловой пересказъ Гошена, чувствуется вся глубина потрясенія, которое испытали въ Берлинѣ послѣ англійскаго ультиматума, съ тономъ того, что принцъ Генрихъ прусскій телеграфировалъ всего за шесть дней передъ тѣмъ и наканунѣ германскаго ультиматума Россіи (17/30) англійскому королю: „...теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, Германія и Англія должны оказать другъ другу взаимную поддержку для предотвращенія катастрофы, которая иначе кажется неотвратимой“, или съ тѣмъ, что писало германское правительство въ бѣлой книгѣ, розданной за нѣсколько часовъ до объявленія войны Англіей: „плечомъ къ плечу съ Великобританіей работали мы надъ посредничествомъ“. Здѣсь измѣряется вся глубина заблужденія, въ которомъ пребывали руководители германской политики, когда думали объ Англіи.